

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024. Е.В. НИКОЛАЕВА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

Аннотация: Святитель Феофан Затворник — один из виднейших русских духовных писателей. Он отличался не только литературным, но и художественным дарованием. Проповеди святителя Феофана отзываются на глубокие духовные и нравственные проблемы пореформенной эпохи. Его духовное наследие остается актуальным и сейчас, оно отличается яркими индивидуальными чертами и разнообразным использованием традиции. Святитель Феофан владеет всем богатством приемов, восходящих к древнерусской литературной традиции, где духовное содержание неотделимо от собственно эстетических приемов: образным ораторским красноречием, различными композиционными приемами, афористичностью речи, аллегориями. В его проповедях присутствует также символически наполненный пейзаж, традиции жанра притчи и литературы русского барокко и т. д. В проповедях и письмах Феофана — отклики святителя на современные события и изменения общественной жизни в изменившихся социально-экономических и нравственно-психологических условиях. Святитель чутко улавливал характер времени, духовные болезни общества. В проповедях святитель Феофан выступает как один из ярчайших публицистов своего времени, во многом совпадал с направлением мысли ведущих писателей эпохи, в первую очередь, Достоевского.

Ключевые слова: Феофан Затворник, проповеди, древняя литературная традиция, актуальная проблематика.

Информация об авторе: Евгения Васильевна Николаева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской клас-

сической литературы, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2409-0621>

E-mail: alkonost.n@mail.ru

© 2024. EVGENIA V. NIKOLAEVA

ABOUT SOME FEATURES OF THE LITERARY HERITAGE OF ST. THEOPHAN THE RECLUSE

Abstract: Saint Theophan the Recluse is one of the most prominent Russian spiritual writers. He was distinguished not only by his literary, but also by his artistic talent. The sermons of Saint Theophan respond to the deep spiritual and moral problems of the post-reform era. His spiritual heritage remains relevant today, distinguished by its strong individual characteristics and varied use of tradition. Saint Theophan masters all the wealth of techniques that go back to the ancient Russian literary tradition, where the spiritual content is inseparable from the aesthetic techniques themselves: figurative oratorical eloquence, various compositional techniques, aphoristic speech, allegories. His sermons also contain a symbolically meaningful landscape, traditions of the parable genre and Russian Baroque literature, etc. In Theophan's sermons and letters, we see the saint's responses to contemporary events and changes in social life in changed socio-economic and moral-psychological conditions. The saint sensitively grasped the nature of his times and the spiritual illnesses of society. In his sermons Saint Theophan appears as one of the brightest authors of his time, in many ways coinciding with the direction of thought of the leading writers of the era, primarily Dostoevsky.

Keywords: Theophan the Recluse, Sermons, Ancient Literary Tradition, Current Issues.

Information about the author: Evgenia V. Nikolaeva, DSc in Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Classical Literature at Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St., 1, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2409-0621>

E-mail: alkonost.n@mail.ru

Святитель Феофан Затворник (Георгий Васильевич Говоров) родился в семье священника, получил хорошее богословское образование, был одним из самых известных в XIX в. пастырей. Его служение было многообразно: ему выпала честь быть членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, ректором Санкт-Петербургской духовной академии, епископом Тамбовским, Владимирским. Последний период жизни святитель провел в затворе в Вышенской пустыни. Святитель Феофан отличался и несомненными дарованиями, художественным и литературным. Литературное наследие святителя отличается несомненными индивидуальными чертами [Питирим, с. 159].

Представляется, что историческое время жизни и трудов святого (1815–1894) делают его наследие особенно необходимым в наши дни, когда перед людьми стоят духовные и нравственные проблемы, во многом схожие с теми, что обозначились перед русским обществом в его время. Этим обстоятельством во многом объясняется тот факт, что творения святителя Феофана настолько востребованы в наши дни: читая его слова, обращенные к пастве, письма к духовным чадам, нельзя не заметить этого сходства.

Тексты творений святителя Феофана Затворника представляют богатый содержанием материал не только для вдумчивого читателя, ищущего в них духовной пользы, но и для профессиональных наблюдений филолога. Эти наблюдения тем более интересны для людей, изучающих историю отечественной литературы и ее художественное своеобразие, что область духовной литературы в современном литературоведении практически не исследуется, а сама духовная литература выносится за пределы представлений о литературном процессе как часть, в него не входящая. На деле все обстоит иначе. Виднейшие духовные писатели прошлого оказывали несомненное влияние не только на читателей, но и на многих авторов художественных произведений [Творогов, с. 172].

В 1878 г. из-под пера Николая Семеновича Лескова выходят очерки «Мелочи архиерейской жизни», в которых

дважды упоминается святитель Феофан, причем первый раз в контексте рассказа о «простых владыках» вместе с Тихоном Задонским, а второй раз в связи с воспоминанием об архиереях «замечательного ума» и «удивительного сердца». В 1872 г. Лесковым же был написан роман «Соборяне» о жизни духовенства и произведший большое впечатление не только содержанием, но и самой темой, впервые поднятой в литературе. Житие Тихона Задонского читает герой «Очарованного странника» Иван Северьяныч Флягин, в другом произведении из цикла о праведниках — святитель Игнатий Брянчанинов. Все три святителя — замечательные духовные писатели, авторы глубоких и литературно талантливых творений. Не случайно здесь приведены эти примеры. На них, как и на многих других (например, знаменитый поэтический диалог Пушкина и митрополита Филарета) можно увидеть, насколько в реальной истории нашей культуры были слиты светская и духовная литература. Одна из важнейших задач изучения трудов святителя Феофана Затворника с филологической точки зрения — *воссоединение в едином историческом потоке литературы духовной и светской*, полноправное введение его литературного наследия в историю отечественной литературы. Отсутствие в «официальной» истории литературы наших духовных писателей, таких как Тихон Задонский, Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник и многие другие, значительно обедняют эту историю и делают ее неполной, а главное, необъективной.

Служение и труды святителя пришлись отнюдь не на золотой, как его часто называют, век русской истории и культуры, а на весьма непростое время. А.А. Блок в поэме «Возмездие» писал об этом времени:

Век девятнадцатый, железный,
 Воистину жестокий век!
 Тобою в мрак ночной, беззвездный
 Беспечный брошен человек! [Блок, с. 93]

Поэт в этих строчках, написанных в начале XX в., явно перекликается с Ф.И. Тютчевым, который еще в 1851 г. в стихотворении «Наш век» писал:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры — но о ней *не просит*...
Не скажет век, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..» [Тютчев, т. 2, с. 40].

Феофан Затворник проявился в своем наследии как самообытный автор, великолепно владеющий словом и всем богатством литературной традиции. Его произведения, в первую очередь проповеди, дают очень интересный и богатый материал для наблюдений над стилем автора. Последовательность развития мысли святителем, композиционные приемы и богатство языка, использование традиций ораторского красноречия и, шире, древнерусской литературы вообще, разнообразны и одновременно индивидуальны. Остановимся лишь на некоторых примерах. Творения святителя Феофана отличаются богатым литературным языком, в котором много церковнославянизмов и, наряду с этим, простой разговорной речи с использованием разного рода образных выражений («...ныне цвет красный, а завтра прах смрадный...»). Иногда его язык отличает афористичность: «Молись непрестанно: не столько волки боятся меча, сколько демоны молитвы...» [Прохватилова, с. 12].

Часто в своих проповедях святитель Феофан прибегает к аллегориям, сравнениям, используя при этом не только впол-

не традиционные образы, но и опираясь на примеры научных и технических достижений: так он обращается к сравнению с электрической машиной, с аэропланом, с пароходом, выпустившим весь пар и тому подобное. Но есть среди используемых им сравнений излюбленные приемы, например, неоднократно использованное сравнение с вышивкой бисером:

В сем отношении вся жизнь человека должна быть непрерывною цепью добрых дел, с той минуты, как он приходит в сознание в сем мире, и до той, как выйдет из него... Как те, кои вышивают картины бисером, ряд за рядом прикрепляют бисеринки к своим местам и именно такие, а не другие бисеринки к тому или другому месту, и только тогда, как соблюдут все сие, не спутают бисеринок и не допустят перерывов и пропусков, картина получает приличный ей вид и свое имя... [Феофан, 1861, с. 84].

Слово «На освящение храма в женском Сухотинском Богородицком монастыре», произнесенное 8 июля 1859 г. композиционно можно считать составленным изысканно: всю духовную работу человека святитель сравнивает с построением «храма видимого». Для «храма видимого» сначала «выбирают и очищают место. — Надобно расчистить внутрь нас место сердца для здания храма духовного» [Феофан, 1861, с. 16] — покаяния. Последовательно прослеживая все стадии строительства внешнего храма, святитель сравнивает их с внутренней работой: от покаяния к твердой решимости жить по вере, как вещества, скрепляющие камни кладки, рассматривая разные добродетели, как кровлю — глубокое смирение. Возглавляет «храм видимый» крест:

То и другое совершится одним действием *преданности* в волю Божию, которое точно есть глава добродетелей самоотвержения и крест, на котором окончательно распинается наша самость [Феофан, 1861, с. 18].

Подобные художественные решения видим и в других словах, где глубоко символический внутренний смысл соединяется с образной формой выражения этого содержания:

Предлагая в нынешний день нашему поклонению и чествованию честный Крест, св. Церковь хочет расположить нас к крестоношению, если мы еще не взяли за святое дело сие, и утвердить в крестоношении, если уже приступили к нему [Феофан, 1861, с. 125].

Далее в этой проповеди «В третью неделю Великого поста» святитель, если можно так сказать, выстраивает свое слово «крестообразно». Он задается вопросом, в чем же заключается наше крестоношение, «из чего слагается крест, который должно каждому из нас взять и нести»: «из стеснения плоти и всего нашего внешнего быта и из терпеливого исполнения правил, которыми налагается сие стеснение» [Феофан, 1861, с. 126]. Это один крест, как мыслит святитель, «внешний», у которого два «крыла» (внешние обстоятельства жизни и внутренние). Второй крест — «внутренний», состоящий «в самопринуждении и в самопротивлении» [Феофан, 1861, с. 128]. В слове на следующую (четвертую) неделю Великого поста святитель прибегает к развернутому сравнению душ, находящихся «под растлевающим влиянием светской суеты», и душ, получающих пищу духовную с деревьями, растущими, соответственно, на каменистой и плодородной почвах [Феофан, 1861, с. 130–135].

Все проповеди Великого поста — это подлинное соцветие слов, построенных на глубоко художественном, если так возможно применительно к ним сказать, духовно-эстетическом подходе и видении, что совпадает с традицией древней литературы, где духовное содержание неотделимо от собственно эстетических приемов и само выступает как смысло- и формообразующая категория [Еремин].

Очень часто святитель Феофан прибегает к пересказу притч, почерпнутых, по всей видимости, из древних отечни-

ков. Среди этих притч есть также излюбленные им: о видении некоему старцу бурной реки, полной грешников и высокого берега с храмами на нем для спасающихся; о девице в царских одеждах, потерявшей и не находящей свое светлое жилище и жениха.

Настоящих художников слова и, одновременно, глубоких мыслителей часто отличает некая, если так можно определить, притчеобразность мышления [Чаплина, с. 83]. Как правило, к художественному образу такие авторы обращаются в конце цепи доказательств своей мысли как к самому мощному аргументу. Так неоднократно строил свои публицистические произведения Л. Толстой, например. Находим такие примеры и в проповедях святителя Феофана. Этот характер мышления художников выражается также в том, что они реальные жизненные наблюдения «переводят» сразу в художественные образы, смысл которых разъясняется размышлениями и суждениями по поводу этих наблюдений. В «Слове третьем» из цикла слов о пожарах в Тамбове мы видим такой пример:

Бывали ль вы, братия, когда-нибудь в рабочей резчика или скульптора? — Если бывали, верно заметили, как такого рода художники, начертав в уме образ того, что предназначены выделывать, приступают потом к делу, разными к разным приемам приспособленными орудиями, обсекая, вырезывая и окончательно отделявая часть за частью, пока взятое вещество не примет вида, сходного с тем невещественным образом, какой носят они в уме своем. Мне пришли на мысль эти работы, по случаю нынешнего праздника Нерукотворенного образа Господа и Спасителя нашего и вместе по случаю стеснительного положения, в которое поставили нас пожары. Сличив одно с другим, нахожу, что последние в руках промысла Божия суть то же, что действия резца и других орудий в руках художника, что чрез посредство их Господь хочет отпечатлеть в нас помышление, какое предначертал Он о нас в уме Своем [Феофан, 1861, с. 226–227].

И далее, на протяжении всего слова, святитель то и дело возвращается к этому сравнению, подробно истолковывая свою мысль и воспроизводя в своем произведении таким образом классическую притчеобразную композицию.

В поэтике творений святителя Феофана много индивидуального и многое, в то же время, взято от предшествующей литературной традиции как святоотеческой, так и светской. Эту поэтику, безусловно, нужно внимательно и скрупулезно изучать, некоторые ее аспекты представляются особенно важными: традиционное и индивидуальное в использовании различных жанров, особенно жанра слова (проповеди), изучение эпистолярного наследия, стиля творений святителя, виртуозное использование им традиции притчи. В проповедях святителя, как принято, часто упоминаются притчи из Евангелий, иногда он создает собственные, демонстрируя притчеобразность мышления. Среди слов, обращенных к Владимирской пастве, есть одно «В неделю 21-ю»: это пример поистине творческого преломления известной евангельской притчи о сеятеле. Святитель так и начинает свое слово: «Ныне св. Церковь предлагает нам урок своей притчею о сеятеле» [Феофан, 1869, с. 53]. Урок Феофана, как ковер с изысканным рисунком, разворачивающийся на наших глазах. Он обращает наше внимание на то, что Спаситель «при сказывании притчи сей дважды произнес: имея уши слышати, да слышит». Начиная с этих слов «сюжет» проповеди святителя развивается очень логично и красиво. Попробуем проследить эту последовательность, хотя и со значительными пропусками текста:

Господь сеет слово Свое. Сеемое слово приемлется слышанием, и принятое уже приносит плод. <...> Из Отчих недр исшедшее Слово нескудною рукою сеяло слово Свое во время пребывания Своего на земле. Вознесшись, Апостолов послало с вещанием истины во всю вселенную — научить ей все языки. — Вся земля засеяна сим Божественным семенем. <...> Преемница труда сеятвы есть св. Церковь. <...>

Каждый из нас, в разных своих нравственных состояниях, может быть и бывает в отношении к семени слова то дорогой, то почвою каменистою, то землею, заросшею тернием и волчцами [Феофан, 1869, с. 54].

Далее святитель переходит к своему любимому образному сравнению: с прививками плодовых деревьев. Согласно его мысли, чтобы «воцарить в себя истину», нужно к себе привить «небесную ветвь истины» («Она привьется, отобьет страстное движение и вместо его скоро ты найдешь в себе святое расположение» [Феофан, 1869, с. 57]).

Часто композиция проповедей святителя Феофана наследует традиции литературы русского барокко конца XVII в. Ярчайшим представителем этого стиля был, как известно, Симеон Полоцкий. Панегирические вирши Симеона Полоцкого нередко приобретают, по словам известного медиевиста И.П. Еремина, «характер сложного словесно-архитектурного сооружения — словесного зрелища». В литературе русского барокко часто присутствовали вирши в самой замысловатой форме: сердца (что знаменовало пожелания автора к семейству царя), звезды, креста и т. д. Например, «Орел российский» — панегирические вирши в честь царя Алексея Михайловича представляют собой текст, написанный в форме колонны (или столпа), опирающейся на основание прозаического текста, а на фоне звездного неба — солнце с 48-ю лучами, движущееся по зодиаку, в каждый луч вписана какая-либо добродетель царя. На фоне солнца — двуглавый орел со скипетром и державой. В Третьяковской галерее, в отделе древнерусского искусства есть икона XVII в. в стиле барокко «Всех скорбящих радости», на которой надписи расходятся, как лучи Вифлеемской звезды, выполняя одновременно и разъясняющую и декоративную функции.

Среди слов, обращенных к Тамбовской пастве, есть слово, произнесенное «В Кирсановском женском монастыре — в 9-ю неделю по Пятидесятнице». Слово обращено непосредствен-

но к насельницам монастыря, к трудностям и направлению их духовной жизни. Отталкивается святитель в слове от «нынешнего», как он говорит, Евангелия, где свидетельствуется, как «бедствовали Ученики на море и Господь подошел к ним уже в 4-ю стражу ночи». Воспоминанием Евангелия святитель и завершает свое слово, образуя так называемую рамочную конструкцию:

Подождите мало. В 4-ю стражу ночи, — в час предназначенный, — Он явится вам и подаст вам скорую помощь, — посему в уповании не преставайте простирать руки к Нему, моля Его придти и укротить волны жизни вашей [Феофан, 1867, с. 194, 198].

В основной части своего слова, опираясь на слово Преподобного Исаака Сириянина о жизни иноческой, используя его образный ряд (жизнь — море, покаяние — ладья, страх Божий — весло или движитель, а воздыхания — это ветрило), Феофан Затворник выстраивает почти зримый образ ладьи, терзаемой ветром и волнами «моря житейского».

Творчески продолжает Феофан Затворник и древнюю традицию символического наполнения пейзажа. В начале слова «В неделю всех Святых» сошествие Духа Божия сравнивается святителем с началом весны:

Как с наступлением весны дух жизни проходит по всем тварям, оживляет все способное жить и одевает землю травами, цветами и всякого рода растениями: так было от пришествия всеживительного Духа Божия [Феофан, 1867, с. 178].

И далее в слове он возвращается к этому образу весеннего пробуждения природы: он говорит о том, что «сердце предназначено к тому, чтобы быть раем, садом, полным цветов и плодовых деревьев — духовных» [Феофан, 1867, с. 180] и призывает прививать и взращивать в сердце ростки «небесного рая», под-

робно описывая процесс прививки плодовых деревьев и сравнивая его с последовательностью духовных трудов. В данном случае святитель как бы вторит писателю второй половины XII в., Кириллу Туровскому, который в «Слове в новую неделю по Пасце» уподобляет расцвет христианства весеннему пробуждению природы, давая развернутую картину этого природного явления.

В проповеди, сказанной «при посещении города Коврова, в соборе», святитель Феофан уподобляет добродетели цветам, покрывающим поле, которое стелется, как ковер. Сравнение, замечает святитель, «созвучно с именем города вашего», а потому призывает его жителей перенести «на себя указуемый нынешним днем и Апостолом ковер добродетелей» [Феофан, 1869, с. 423].

Феофан Затворник проявил себя как автор разносторонний, что подтверждается многообразием жанров, в которых он работал: широко представлены слова (или проповеди), которые подчас тематически и эстетически образуют своеобразные циклы; богато эпистолярное наследие, в котором находят отражение как строгие классические традиции, так и живость непосредственного разговорного языка; некоторые из творений выполнены в диалогической форме, некоторые, как например, «Мысли на каждый день» имеют форму древних четых книг. Святителю Феофану, как и самым глубоким светским писателям его эпохи (Гоголю, Достоевскому, Льву Толстому) не хватало только одной сферы творчества, для каждого своей: святителю — духовных творений, современникам — художественных. Они все буквально вырвались в публицистику. Видимо, таково было глубинное требование времени.

Вступление будущего подвижника в самостоятельную жизнь, становление его личности, а затем и начало служения совпадало последовательно с очень непростыми временами в нашей истории, с серьезными изменениями в общественной жизни, с разнообразными проявлениями интеллектуальных интересов общества. Это было время оформления идеологии

славянофильства и западничества, увлечения социальными учениями, поражения России в Крымской войне, размежевания различных общественных сил по отношению к готовившейся отмене крепостного права, либеральных реформ 60-х гг., трагических событий на Балканах и трагедии 1 марта 1881 г., проповеднической деятельности Льва Толстого... и совсем недалеко было до образования первых марксистских кружков и потрясений 1905 и 1917 гг. При этом бурно развивались промышленное производство и естественные науки, литература и искусство, большие успехи были достигнуты в гуманитарных областях знания. Все эти события вызвали сложнейшие изменения духовного климата эпохи.

В проповедях и письмах святителя Феофана мы находим отклики на многие из современных ему событий и изменений общественной жизни, но самой главной заботой, как видно из его наследия, остается душа человека и его духовная жизнь в резко изменившихся социально — экономических и нравственно — психологических условиях. В своих оценках времени, в поднятых для обсуждения вопросах святитель Феофан во многом совпадает с направлением мыслей ведущих художников той эпохи. Многие представители русской культуры и литературы середины XIX в. очень остро чувствовали переломный характер своего времени, мучительно воспринимали на глазах совершающиеся изменения. Н.С. Лесков считал, что в жизни «все перебурилось», Ф.М. Достоевский называл пореформенное время «мечущимся». В «Дневнике писателя» находим такое определение:

Прежний мир, прежний порядок, — очень худой, но все же порядок, — отошел безвозвратно, И странное дело: мрачные нравственные стороны прежнего порядка — эгоизм, цинизм, рабство, разъединение, продажничество не только не отошли с уничтожением крепостного быта, но как бы усилились, развились и умножились [Достоевский, т. 9, с. 39].

В марте 1876 г. в том же «Дневнике писателя» читаем в главе «Обособление»:

Право, все кажется, что у нас наступила какая-то эпоха всеобщего «обособления». Все обособляется, уединяется, всякому хочется выдумать что-нибудь свое собственное, новое и неслышанное. Всякий откладывает все, что прежде было общего в мыслях и чувствах, и начинает с своих собственных мыслей и чувств. Всякому хочется начать с начала. Разрывают прежние связи без сожаления, и каждый действует сам по себе и тем только и утешается [Достоевский, т. 22, с. 80].

Л.Н. Толстой выразил свою оценку времени известным афоризмом Левина из романа «Анна Каренина»: «У нас теперь все это перевернулось и только укладывается <...> и Бог один знает, как уложится» [Толстой, т. 18, с. 346].

«В наш век дух мира силится взять преобладание над духом Христовым» [Феофан, 1869, с. 45], — так сказал святитель Феофан Затворник 1 октября 1863 г. в проповеди «На Покров Пресвятой Богородицы. Сказано в Воскресенской церкви, куда в этот день бывает крестный ход в память изгнания французов из Москвы». «Дух мира» заставил многих русских писателей (Гоголя, Достоевского, Л. Толстого) в художественном творчестве все большее внимание уделять общественно-публицистической, нравственной и философской проблематике [Тяпугина]. Именно в пореформенные годы формируются историко-философская концепция Л.Н. Толстого в «Войне и мире», М.Е. Салтыкова-Щедрина в «Истории одного города», обсуждаются проблемы исторического пути России в сопоставлении с историческим опытом Западной Европы в романах Ф.М. Достоевского «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы», «Запечатленном ангеле» и других произведениях Н.С. Лескова. Роман-эпопея «Война и мир» Л.Н. Толстого повествовала не только о войне и человечестве, но и о столкновении двух миров, русского и за-

падного, с их духовными и нравственными основаниями. Герои-идеологи в романах Ф.М. Достоевского часто являются носителями заимствованного, западного по происхождению, образа мыслей. В последнем романе «Братья Карамазовы» писатель, объясняя истоки вседозволенности, исповедуемой Иваном Карамазовым, указывает на его юношеское сочинение — «Легенду о Великом инквизиторе». Именно там и в публицистических выступлениях автор выстраивает закономерную последовательность, являющуюся причиной появления мыслителей, подобных Ивану. В сжатом виде эта последовательность выглядит как прямая зависимость: католицизм, атеизм, материализм, нигилизм. В своих наблюдениях над «нашего времени» случаями писатель совпадает с наблюдениями и выводами, ранее высказанными в словах святителя Феофана:

Оттого Европа, опередившая нас в некоторых отношениях, сильно страдает лжеверием, неверием и индифферентизмом. А между тем у нас только Европа и восхваляется, — и вот целыми кораблями везут к нам оттуда вместе с добром, и полчища врагов истины: (вещи, лица, книги), которым трудно найти приличное имя, между которыми можно однакож различить как бы два неприятельских стана: папизм и вольномыслие, — (как будто противоположности, а между тем это отец и исчадие его). — Тайными путями входят они в область нашу, в надежде на верный успех [Феофан, 1859, с. 23].

Чутко улавливая характер времени, духовные болезни общества, в своих творениях и особенно в проповеднической деятельности святитель Феофан, обращаясь к духовной стороне жизни, выступает не только как пастырь, но становится и одним из ярчайших публицистов своего времени, в Словах и иных творениях которого прослеживаются прямые аналогии с актуальнейшей проблематикой лучших произведений русской классики. Особенно заметно совпадение образа мыслей святителя

Феофана и идейно-тематического своеобразия произведений Достоевского.

Накануне переломных событий века, в 1858 г. святитель Феофан пишет:

Великая наша беда в том, что мы большею частию живем в голове. Там наши помыслы кружатся, как прах, а мысли, возбуждаемые речами и предметами видимыми, входя в круг наших мыслей, еще более возмущают и усиливают кружение их. Оттого мы ходим, как в тумане [Феофан, 1858, с. 15–16].

«Большею частию...в голове» живут герои-идеологи Достоевского. В одной из своих проповедей святитель обозначает как духовные болезни самовластие и разъединение:

Православие портится, — когда не хотят принимать истину Божию, а свою на место ея изобрести покушаются; самодержавие портится, когда замышляют свою — новую — изобретать власть, а не Богодарованную принимать; народность портится, когда народ не Божии — небесная, — а свои земная начинает исключительно преследовать цели, чуждому при том подчиняясь влиянию. — Плодом сего будет — *разномыслие*: всякий о всем судит по-своему, — *самовластие*: всякий сам себе царь, и естественно после того, как у всякого стал свой ум царь в голове, — *разъединение и врозь* — *устремление сил*: всякий о себе. И никто о других. — Когда войдет все сие в жизнь и начнет быть преобладающим явлением, тогда начнется разложение, расстройство и уничтожение Государственного тела [Феофан, 1869, с. 433].

В этих рассуждениях святителя Феофана нетрудно усмотреть много общего с эпилогом романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Как «нашего времени случай»

трактуется писателем рационалистический расчет и поступки Родиона Раскольникова. Закономерно в романе не раз возникает ассоциация с Апокалипсисом, самая выразительная из которых — завершающие страницы книги. В эпилоге Раскольников, находящийся на каторге, видит в болезненном бреде сон о мире, осужденном в жертву страшной моровой язве, от которой должны погибнуть все, исключая немногих избранных. Причиной же бедствия являются микроскопические существа, оказывающиеся на деле одаренными умом и волей духами, которые, вселяясь в людей, поражают их бесноватостью и самоуверенностью. Это приводит к тому, что каждый считает себя лучше и умнее других, теряет способность прислушиваться к мнению других людей и договариваться с ними. Конец страшен — жизнь останавливается [Достоевский, т. 6, с. 419–429]. Символично, что писатель делает апокалипсическую картину философским итогом своего романа о трагедии заблудившегося гордого ума, пророчеством того, что ожидает мир, зараженный гордыней и индивидуализмом, стремящийся к «обособлению». В сочинениях Ф.М. Достоевского осмысление современности в образах Апокалипсиса отчетливо проявилось в «Зимних заметках о летних впечатлениях», описывающих восприятие Лондона как воочию совершающегося пророчества из Апокалипсиса. Это впечатление неразрывно связано у Достоевского с ощущением присутствия какого-то могучего и гордого духа, который построил всю эту «декорацию» [Достоевский, т. 5, с. 68–70]. Мотив гордыни, поражающий дух человека, связывает увиденное Достоевским на Западе с современной ему Россией.

Из следующего по времени создания великого романа Достоевского «Идиот» (1868) часто без глубокого осмысления цитируются слова о том, что красота спасет мир, однако не все отдают себе отчет в том, что в романе присутствует не одна категория красоты, а несколько. Во-первых, это яркая физическая красота Настасьи Филипповны, которая в данных обстоятельствах превращена в товар. Во-вторых, это нравственная красота главного героя, жадно востребованная окружением, но превратившаяся,

по сути дела, в жертву обстоятельств и духа времени. И наконец, еще один идеал красоты, обозначенный автором как красота, которая, «кабы добра была, все было бы спасено». И именно этот идеал красоты является по сути важнейшим в содержании и поэтике романа.

О красоте вспоминает в одном из своих Слов и святитель:

Ибо что это за потребность прекрасного? Она есть плод хранящегося в глубине души нашей воспоминания о потерянном рае, или — чаяния будущего нескончаемого блаженства: человек хочет низвести небо на землю, или, живя еще на земле, жить как бы на небе [Феофан, 1859, с. 129].

Думается, что о роли красоты в жизни недаром задумывается Достоевский и говорит в своей проповеди святитель. Много позже И.А. Бунин в «Окаянных днях» отмечал, что резкая перемена жизни почувствовалась перед революцией, когда в 1916 г. из жизни ушла красота. Кстати вспомнить, что и существенная разница в описании послереволюционных событий, по сравнению с дореволюционной жизнью, судя по произведениям И.С. Шмелева, например, сказывалась именно в отсутствии в новых условиях жизни красоты и лада.

Новый 1864 г. был отмечен Словом, обращенным святителем Феофаном к Владимирской пастве. В нем в качестве одного из актуальнейших стоит вопрос о правильном и неправильном понимании новизны. Святитель, утверждая, что постоянно нова «новая духовная жизнь во Христе Иисусе» [Феофан, 1869, с. 159], противопоставляет этому пониманию заблуждение людей, «кои иначе судят о новизне, и то, что на деле есть обновление, считают ветшанием, а что есть ветшание — обновлением» [Феофан, 1869, с. 159]. Пример «ветшания» — языческие начала в жизни:

На западе Папа, отпавши от церкви, первый принял корень языческой жизни — гордыню. Около сего центра не замедлили сгруппироваться и все другие стихии языческие.

К XVI в. они довольно окрепли, подняли голову и гласно вступили снова в состязание с христианством. Образовался круг людей, языческим духом исполненных, которые задачею себе поставили — снова ввести языческие начала, — тоже опять во всех областях — умственной, нравственной, эстетической, семейной и гражданской. Время, когда сие совершилось, называется возрождением западным. Запомните себе теперь, что западное возрождение есть восстановление язычества наперекор христианству. Таково значение возрождения. Но каково семя, таков и плод [Феофан, 1869, с. 160].

Это Слово святителя вновь возвращает к роману Достоевского «Братья Карамазовы» и поэме Ивана. «Легенда о Великом инквизиторе» имеет, в сущности, ту же историческую основу: ее действие разворачивается в Севилье именно в XVI в., когда наивысшего размаха достигла инквизиция. Упрекая Христа в неправильных основаниях построения жизни и в том, что людям дана свобода, которая их тяготит, инквизитор признается также, что уже восемь веков они не с Христом, а с ним. В этом заключается величайшая тайна инквизитора, который выступает перед людьми, по-прежнему опираясь на авторитет Христа. Его гордая самоуверенность простирается настолько, что он признается в основаниях своего управления обществом (чудо, тайна и авторитет), при котором люди кладут свою свободу к его ногам в обмен на чудо насыщения хлебами. В предпоследний день 1879 г. Достоевский читал «Легенду» на литературном утреннике в пользу студентов Петербургского университета. Предваряя чтение, он дал объяснение этого отрывка из своего нового романа, над которым работал в 1879–1880 гг.:

Один страдающий неверием атеист в одну из мучительных минут своих сочиняет дикую, фантастическую поэму, в которой выводит Христа в разговоре с одним из католиче-

ских первосвященников — Великим инквизитором. Страдание сочинителя поэмы происходит именно оттого, что он в изображении своего первосвященника с мировоззрением католическим, столь удалившимся от древнего апостольского православия, видит воистину настоящего служителя Христова. Между тем его Великий инквизитор есть, в сущности, сам атеист. Смысл тот, что если исказишь Христову веру, соединив ее с целями мира сего, то разом утратится и весь смысл христианства, ум несомненно должен впасть в безверие, вместо великого Христова идеала созиждется лишь новая Вавилонская башня. Высокий взгляд христианства на человечество понижается до взгляда как бы на звериное стадо, и под видом *социальной* любви к человечеству является уже не замаскированное презрение к нему [Достоевский, т. 15, с. 198].

В 1860-е и 1870-е гг. Достоевский прозревает «блуд мысли»¹ гордого разума, ведущий к вседозволенности, как один из страшнейших признаков грядущей духовной катастрофы, приближение которой для многих современников писателя становится очевидным лишь много позже.

На фоне этой эпохи особенно заметна трагическая судьба Льва Толстого, кого осознанная опора на излюбленный им «здравый смысл» увлекла, в сущности, на путь таких героев Достоевского, как Родион Раскольников или Иван Карамазов. В «Мыслях на каждый день года» святитель Феофан Затворник пишет, обличая «умников»:

Немцы, а за ними и наши, онемечившиеся умом, как скоро встретят в Евангелии чудо, тотчас кричат: «не правда, не правда; этого не было и не могло быть, надо это вычеркнуть». Не то же ли это, что убить? Пересмотрите все книги

¹ Выражение М.В. Нестерова, примененное им к определению характера мысли Л.Н. Толстого.

этих умников, — ни в одной не найдете указания причин, почему они так думают; ни один из них ничего не может сказать против того, чем доказывается истина евангельская, и ни один не позаботился вникнуть в доводы, какими люди здравомыслящие обличают их лживость: твердят все только свое, что быть не может. И потому не верят Евангелию. И ничего с ними не поделаешь: они готовы идти против Самого Бога [Феофан, 1881, с. 255–256].

В 1880–1881 гг. Л.Н. Толстой, испытывая «сосредоточенное, постоянно восторженное душевное напряжение» [Толстой, т. 24, с. 7], работал над «Соединением и переводом четырех Евангелий». Опираясь на известные опыты составления Четвероевангелий, в том числе Четвероевангелие Василия Гречулевича, писатель давал свой перевод и понимание Священного писания, освобожденные от всего, что не поддавалось объяснению его здравым смыслом. Во вступлении к своему переводу Толстой декларировал некоторые основные положения собственного подхода к тексту, где, в частности, говорилось о роли разума в постижении Откровения:

Откровением я называю то, что открывается перед разумом, дошедшим до последних своих пределов, — созерцание божественной, т. е. выше разума стоящей истины. Откровением я называю то, что дает ответ на тот неразрешимый разумом вопрос, который привел меня к отчаянию и самоубийству, — какой смысл имеет моя жизнь? Ответ этот должен быть понятен и не противоречить законам разума <...>. Ответ должен не противоречить разуму, потому что противоречивому ответу я не поверю, и потому он должен быть не только понятен и не произволен, а неизбежен для разума <...>. Ответ должен отвечать на мой вопрос: какой смысл имеет моя жизнь? Если он не отвечает на этот вопрос, то он мне не нужен [Толстой, т. 24, с. 14].

Свой подход Толстой объяснял также и тем, что будет отыскивать «в этих книгах» то, «что мне понятно, потому что непонятному никто не может верить, и знание непонятного равно незнанию» [Толстой, т. 24, с. 17]. Немного раньше, в «Исповеди», Толстой, рассказывая о чтении житий святых, что во многом открывало ему смысл жизни, признавался, что на чудеса смотрел как на фабулу, выражающую мысль [Толстой, т. 23, с. 52]. В последний период жизни Толстого с ним познакомился художник М.В. Нестеров, писавший портрет писателя для помещения на картину «Душа народа». В письме к одному из своих корреспондентов после разговоров с Толстым, в том числе и о вере, он так характеризовал образ мыслей писателя:

Лукавый барин, вечно увлекаемый сам и чарующий других гибкостью своего великого таланта. <...> Сколько это барское легкомыслие и непоследовательность, «блуд мысли» погубил слабых сердцем и умом, сколько покалечило, угнало в Сибирь, один Бог знает! И все ведь так мило, искренне и очаровательно, при одинаковой готовности смаковать «веру» умного мужика Сютяева и вошь на загривке этого Сютяева; как часто этот «смак художника» порождает острую мысль, хлесткую фразу, а под удачливую минуту и целую систему, за которой последователи побегут, поломают себе шею. Он же, «как некий бог», не ведая своей силы, заманивая слабых, оставляет их барахтаться в своих разбитых, покалеченных идеалах [Нестеров, с. 220–221].

Предваряя наблюдения и суждения своих современников, еще в 1864 г. святитель Феофан писал, имея, вероятно, в виду совершенно очевидные для него процессы, происходившие в духовной жизни и сказывавшиеся на состоянии общественной мысли: «Нет злее силы, — как мысль, ничем не обуздываемая. Вот и смотреть надобно, чтоб необузданность мысли не охвати-

ла всех, и если уж нельзя без сей язвы, — разве бы уже кто-кто подвергался ее заразе» [Феофан, 1869, с. 516]. В другой проповеди святитель говорил:

Если верна пословица: что у кого болит, тот о том и говорит; то — разум есть болезнь нынешнего времени. Хорошо, что ищут разумности. Но то нехорошо, что ищут ее в одном разуме человеческом. Сей разум хотят сделать всемирным наставником — царем истины [Феофан, 1867, с. 164–165].

Нельзя обойти вниманием и еще одно очень важное событие в истории XIX в., в оценке которого святитель совершенно совпадал со своими современниками-литераторами, — Отечественную войну 1812 года. В русской литературе эти события нашли, как известно, широчайший отклик. Немало внимания уделялось и оценке Наполеона, в осмыслении личности которого литература была убедительно последовательна: сумасшествием заканчивает Германн из «Пиковой дамы», до кошунственной продажи бессмертной души человеческой додумывается Чичиков (обоих героев авторы наделяют внешним сходством с Наполеоном); внешне логичную, но одновременно безумную теорию выстраивает, опираясь на пример Наполеона, Раскольников; самовлюбленным, лишенным подлинного величия, похожим на ребенка, который, сидя в карете, держится за тесемочки, но думает, что управляет экипажем, предстает Наполеон в «Войне и мире». К сожалению, редко вспоминается теперь стихотворение Ф.И. Тютчева «Наполеон», в котором поэт так характеризует его:

Два демона ему служили,
Две силы чудно в нем слились:
В его главе — орлы парили,
В его груди — змии вились... [Тютчев, с. 219–220]

Разница в оценке этих событий святителем заключается лишь в том, что он определяет духовную сущность выпавших на долю народа испытаний:

Помните — тогда, в 12-ом году — приходили французы с войсками других европейских народов — зачем, думаете? Затем, чтобы отучить нас от французской жизни. Мы и опомнились было немного, — а теперь опять стали забываться. И вот целый год уж грозит нам Господь нашествием Европы. Даром, вы думаете, эта тревога? — Нет. Это Божий к нам вразумительный голос! Господь не хочет нас карать; но как мы неисправны, хочет, чтоб мы пришли в разум и исправились, и как бы говорит нам: смотрите, исправьтесь, а то — опять пошлю на вас вражескую Европу, — зверонравную и иноверную. Перестаньте жить по-французски и по-инославному, и опять воспримите благочестную, православно-христианскую жизнь, движущуюся в молитвах, постах, подвигах и всякого рода благотворениях [Феофан, 1869, с. 45].

И об этой духовной опасности — желании жить «по-французски» — недаром предупреждает святитель. Самый ничтожный, оказавшийся способным на реальное отцеубийство герой «Братьев Карамазовых» Смердяков мечтает как раз о жизни «по-французски». В главе, названной автором «Контроверза», Смердяков пускается в пространные «философские» рассуждения о России, которую он ненавидит, о желании уничтожения всех солдат, способных ее защитить. «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, — говорит Смердяков, — отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с» [Достоевский, т. 14, с. 205]. Другие порядки в понимании Смердякова имеют лишь внешнее проявление, по поводу внутренней сущности их он

не заблуждается: «Если вы желаете знать, то по разврату и тамошние, и наши все похожи. Все шельмы-с, но с тем, что тамошний в лакированных сапогах ходит, а наш подлец в своей нищете смердит и ничего в этом дурного не находит» [Достоевский, т. 14, с. 205].

Из некоторых приведенных здесь сопоставлений становится очевидным, что святитель Феофан отмечает все кардинальные изменения, происходящие в обществе, выявляя их духовную основу. В этом он совершенно созвучен своей эпохе, но о происходящих изменениях предупреждает по времени в основном раньше даже самых чутких из современников. Следование лучшим традициям русской литературы, их творческое развитие, соответствие актуальнейшим запросам общества и созвучие ведущим темам современной ему литературы как нельзя более подтверждает необходимость рассматривать творения святителя Феофана Затворника как полноправную часть общего литературного процесса XIX в.

Список литературы

Исследования

1. *Еремин И.П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. 2-е изд. Л.: Изд-во Ленинградского государственного ун-та, 1987. 328 с.
2. *Питирим (Творогов)*, епископ Звенигородский Истоки гомилетического искусства святителя Феофана, Затворника Вышенского // Богословский вестник. 2019. № 3 (34). С. 157–168.
3. *Прохватилова О.А.* Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного ун-та, 1999. 362 с.
4. *Творогов П.* Мысль державная в проповедях святителя Феофана, Затворника Вышенского // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 4. С. 172–185. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-172-185>
5. *Тяпугина Н.Ю.* Исповедь и проповедь Достоевского. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2004. 350 с.

6. Чаплина С.Ю. Особенности восприятия проповеди // Православный собеседник. 2004. № 3. С. 82–84.
7. Блок А.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Правда, 1971. Т. 3: Стихотворения. 414 с.
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
9. Нестеров М.В. Письма. Избранное. Л.: Искусство, 1988. 534 с.
10. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. (Юбилейное издание). М.: Худож. лит., 1928–1958.
11. Тютчев Ф.И. Полн. собр. и письма: в 6 т. М.: Классика, 2002–2004.
12. Феофан, Затворник Вышенский, свт. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. М.: Тип. И. Ефимова, 1881. 484 с.
13. Феофан, Затворник Вышенский, свт. Предостережение от увлечения духом настоящего времени. СПб.: Тип. Ю. Штауфа, 1858. 82 с.
14. Феофан, Затворник Вышенский, свт. Слова к Владимирской пастве преосвященного Феофана. Владимир, Тип. Губернского правления, 1869. 704 с.
15. Феофан, Затворник Вышенский, свт. Слова к тамбовской пастве преосвященного Феофана. М.: Тип. С. Орлова, 1867. 220 с.
16. Феофан, Затворник Вышенский, свт. Слова к Тамбовской пастве Феофана, Епископа Тамбовского и Шацкого в 1859 и 1860 годах. СПб.: Штаб военно-уч. заведений, 1861. 326 с.
17. Феофан, Затворник Вышенский, свт. Слова С.-Петербургской Духовной академии ректора архимандрита Феофана. СПб.: Тип. Главного Штаба, 1859. 327 с.
18. Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков: Библиографический указатель. 1800–2000 / ред. В.А. Котельников.; сост. А.П. Дмитриев, Л.В. Дмитриева. СПб.: Наука, 2002. 891 с.

References

1. Eremin, I.P. *Leksii i stat'i po istorii drevnei russkoi literatury* [*Lectures and Articles on the History of Ancient Russian Literature*]. Leningrad, Pushkin Leningrad State University Publ., 1987. 328 p. (In Russ.)
2. Pitirim (Tvorogov), Bishop of Zvenigorod “Istoki gomileticheskogo iskusstva sviatitelia Feofana, Zatvornika Vyshenskogo” [“The Origins of the Homiletical Art of St. Theophan, the Recluse of Vysha”]. *Bogoslovskii vestnik*, no. 3 (34), 2019, pp. 157–168. (In Russ.)

3. Prokhvatilova, O.A. *Pravoslavnaia propoved' i molitva kak fenomen sovremennoi zvuchashchei rechi* [*Orthodox Preaching and Prayer as a Phenomenon of Modern Sounding Speech*]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 1999. 362 p. (In Russ.)

4. Tvorogov, P. "Mysl' derzhavnaia v propovediakh sviatitelia Feofana, Zatornika Vyshenskogo" ["The Sovereign Thought in the Sermons of St. Theofan Recluse of Vysha"]. *Dva veka russkoi klassiki*, no. 4, 2020, pp. 172–185. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-172-185> (In Russ.)

5. Tiapugina, N.Iu. *Ispoved' i propoved' Dostoevskogo* [*Confession and Sermon of Dostoevsky*]. Saratov, Saratov State Academy of Law Publ., 2004. 350 p. (In Russ.)

6. Chaplina, S.Iu. "Osobennosti vospriiatiia propovedi" ["Peculiarities of Perception of the Sermon"]. *Pravoslavnyi sobesednik*, no. 3, 2004, pp. 82–84. (In Russ.)